

Они были заняты несколько дней подряд и почти не имели возможности нормально поесть, поэтому сейчас оба ощущали сильный голод. Сун Ле с аппетитом отправлял еду в рот, но его манера при этом не казалась грубой. Внезапно Се Сицзэ пнул его ногой. Сун Ле обернулся, поставил миску и палочки и, улыбнувшись, спросил:

— Сяоцзэ?

Се Сицзэ отвернулся, но через несколько секунд, глядя ему в глаза, довольно спокойно произнёс:

— Спасибо.

После девяти вечера Се Сицзэ снова измерил температуру. Она всё ещё была немного повышенной. Пролежав весь день под одеялом, он весь покрылся потом.

Он чувствовал себя липким, но не сказал об этом Сун Ляю, не желая снова доставлять ему хлопот. Тот, заметив это, зашёл в ванную, набрал таз с горячей водой и, вернувшись, поманил его рукой:

— Подойди, я помогу тебе обтереться.

Се Сицзэ почувствовал ком в горле и огрызнулся:

— Что ты машешь, как будто собаку зовёшь.

Слова звучали резко, но голос был тихим и неуверенным. Тело ему действительно было неприятно, и, несмотря на дерзость, он послушно расстегнул одежду, позволив Сун Ляю обтереть себя.

Тело юноши, только что вступившего во взрослую жизнь, уже имело очертания молодого мужчины, но всё ещё сохраняло юношескую нежность. Сун Ле тщательно обтирал его, взгляд его был спокоен и чист. Когда он добрался до нижней части тела, его взгляд остановился на штанах.

— Сяоцзэ, тут нужно протереть...

Се Сицзэ выхватил полотенце:

— Сам справлюсь.

Он начал снимать штаны, но, увидев, что Сун Ле не отворачивается, торопливо прогнал его:

— Я буду мыть попу, уходи скорей.

Сун Ле не двинулся с места, и Се Сицзэ толкнул его, торопя:

— Быстро уходи!

Раньше, когда Сун Ле бывал дома, Се Сицзэ часто просил его помочь с купанием. Даже когда Сун Ле предлагал позвать дворецкого, тот отказывался, настаивая только на нём. Тот ухаживал за ним несколько лет, пока Се Сицзэ не исполнилось двенадцать, и только тогда запретил ему искать помощь у других.

Сун Ле с лёгкой улыбкой спросил:

— Ты точно не хочешь, чтобы я помог?

Се Сицзэ грубо ответил:

— Не хочу.

Сун Ле тихо вздохнул и вышел из палаты, с лёгкой ностальгией вспоминая времена, когда он купал ребёнка.

Медсестра принесла раскладушку. Се Сицзэ приподнял веки, чувствуя себя не по себе. Он решил вести себя прилично и спросил:

— Сестричка, нет ли кровати побольше?

Медсестра покачала головой:

— Извините, это самая большая раскладушка.

Се Сицзэ взглянул на свою больничную кровать. Комната была почти пуста, но кровать была удобной и достаточно большой. Взглянув на маленькую раскладушку рядом, он не смог ничего сказать.

Сун Ле вышел из ванной, вытирая волосы, и сел на раскладушку. Его крупное телосложение совершенно не сочеталось с маленькой кроватью. Думая о том, что он несколько ночей не спал и теперь должен провести ночь на этой узкой койке, Се Сицзэ почувствовал, как у него перехватило горло, и глаза невольно покраснели.

Сун Ле подумал, что он вспомнил бабушку Гуйхуа, и, не зная, как его утешить, обнял его и начал гладить:

— Цзэбао, не плачь.

Се Сицзэ оттолкнул его руку, но снова был притянут обратно.

В детстве Се Сицзэ часто плакал перед Сун Лэем. Иногда это были настоящие слёзы, иногда — притворные. Когда он плакал, то мог кричать от мнимой боли или тихо рыдать от настоящей, совершенно не заботясь о том, чтобы вести себя как мужчина. Сун Ле брал его на руки и утешал, повторяя одну и ту же фразу: «Цзэбао, не плачь». С восьми до двадцати лет ничего не изменилось.

Цзэбао, не плачь.

Буду плакать.

Эх.

Только когда я плачу, ты жалеешь меня.

Как можно не жалеть ребёнка, которого сам вырастил?

Итак, Сун Ле заключил его руки и ноги в свои объятия:

— Цзэбао, не плачь.

Почти инстинктивно Се Сицзэ прикрыл покрасневшие глаза:

— Буду плакать.

— Эх.

— Только тогда ты... — Се Сицзэ вдруг опустил ладонь, тихо выскользнул из объятий Сун Лэя и лёг спиной к нему.

Перерождение — это не просто.

Он подумал, что и ему, и Сун Лэю на этот раз будет нелегко.

Он изменился, и Сун Ле тоже изменился.

На следующий день жар у Се Сицзэ снова поднялся. Врач, осмотрев его, покачал головой:

— У него слабый иммунитет, нужно ещё несколько дней наблюдения.

Жар на этот раз был очень сильным. Врач сказал, что они упустили лучшее время для лечения. Это было ошибкой не доставить его в больницу сразу, как только у него поднялась температура. Если бы они опоздали ещё немного, это могло бы повредить его мозг.

Молодёжь неразумна и часто пренебрегает здоровьем, но основная ответственность лежит на взрослых, которые позволяют детям поступать так.

Сун Ле молчал. Он не был курильщиком, но прошлой ночью, проведя в напряжении, он только под утро заметил, что у Се Сицзэ снова поднялась температура. Он почти не спал всю ночь, несколько дней не отдыхал нормально, и его нервы были на пределе. Ему хотелось закурить, но он не мог отойти от Се Сицзэ ни на шаг.

Основная ответственность действительно лежала на нём. Он не позаботился о нём должным образом. Зная, что у него температура, он, из мягкости, позволил ему продолжать бодрствовать несколько дней подряд. Если бы Се Сицзэ снова ушёл из-за внезапного приступа, как бы он смог с этим справиться?

Он уже пережил однажды эту пронзительную боль. Сун Ле потёр переносицу, усталость залегла на лице. Он не знал, как теперь быть с Се Сицзэ.

С таким трудом получив шанс начать всё заново, как бы он ни старался защищать его, он всё равно позволил ему заболеть прямо у себя на глазах.

Он смотрел на Се Сицзэ, лежащего в больничной кровати. Лицо его было бледным, подбородок заострён, дыхание медленное и неглубокое. Он даже боялся, что тот вдруг перестанет дышать, и, положив палец под его нос, спросил врача:

— Может, надеть на него кислородную маску?

Врач сказал, что не нужно. Результаты анализа крови показали, что он просто переутомился и ослаб, и ему нужно несколько дней капельниц и отдыха. Сун Ле с облегчением вздохнул.

— Сяоцзэ.

Сун Ле взял руку Се Сицзэ, на которой не было капельницы, и поцеловал её несколько раз. В

это время помощник звонил несколько раз, но он быстро отдал пару распоряжений и выключил телефон.

К вечеру Се Сицзэ наконец проснулся. Сун Ле всё это время сидел рядом, наблюдая за ним. Увидев, что он пришёл в себя, он сразу спросил, не чувствует ли он дискомфорта, и налил воды из чайника. Подождав, пока она немного остынет, он медленно поднёс её к его губам, чтобы напоить.

Се Сицзэ оттолкнул чашку, не допив её, и, поглаживая вздутый живот, безразлично произнёс:

— Хочу в туалет.

Сун Ле хотел отнести его в ванную, но Се Сицзэ отказался. В итоге Сун Ле присел, чтобы надеть ему обувь, и помог пройти.

Се Сицзэ чувствовал себя слабым, и голос его был вялым:

— У меня снова температура?

— Угу.

— А как насчёт дел дома?

— Ими занимаются.

— Хорошо, спасибо.

Сун Ле хотел сказать, что не нужно благодарить, но решил промолчать. Он позвонил и заказал питательную кашу. Се Сицзэ проспал весь день, и в животе у него было пусто, кроме воды.

Три дня они почти не отдыхали, проводя ночи у гроба, а теперь Се Сицзэ снова заболел. Пять дней Сун Ле почти не спал. Вчера он проспал с ним меньше трёх часов, беспокоясь о его состоянии, и скоро проснулся. Даже с его крепким телосложением мало кто выдержал бы пять дней без отдыха.

Когда принесли кашу, Сун Ле хотел накормить Се Сицзэ, но тот, взглянув на часы и увидев, что время ужина уже прошло, сказал:

— Давай поедим вместе.

Се Сицзэ чувствовал себя очень плохо. Он видел, в каком состоянии был Сун Ле. Он подумал, что, кроме того, что он всегда требовал от этого мужчины любви и не получал её, Сун Ле никогда не был ему ничем обязан. Еда, одежда, жильё — всё было лучшим. Он покачал головой, чувствуя грусть за Сун Лэя. Этот мужчина действительно воспитал его как паразита.

Даже после перерождения он не знал, с какими мыслями Сун Ле продолжает заботиться о нём, не обращая внимания ни на что другое.

— Сун Ле, спасибо.

Он раскрыл свои слабости, ресницы gradually стали влажными:

— Ты помогал с делами бабушки с самого начала. Я всегда кричал, что вырос и всё могу сделать сам, но в итоге понял, что я ни на что не годен.

— Очень... — Он не смог договорить, голос дрожал, слёзы смешивались со соплями.

В те дни, когда ушла бабушка Гуйхуа, он тихо плакал, но в глубине души не чувствовал особой боли. Старушка ушла спокойно, без страданий, и это было хорошо. Но сейчас, глядя на Сун Лэя, который из-за его слабости и беспомощности довёл себя до такого состояния, он действительно не мог этого вынести.

— Цзэбао...

Сун Ле с лёгкой растерянностью вытирал его слёзы. В глазах мужчины была лёгкая печаль, но его движения по-прежнему оставались невероятно нежными.

— Не плачь.

<http://bllate.org/book/16434/1489738>